ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ. АКМЕОЛОГИЯ

УДК 159.922.736.2

ПРОЯВЛЕНИЯ КРИЗИСА ОДНОГО ГОДА В СВЯЗИ С ХАРАКТЕРИСТИКАМИ СЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

В.Е. Василенко^а, Я.В. Наталенко^б

^а Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

^б Академия развития и досуга «Дочки-сыночки», 187031, Санкт-Петербург, Ленинградская область, пос. Тельмана, 7, к. 1

Изучаются взаимосвязи проявлений кризиса одного года у детей с характеристиками семейного взаимодействия. Выборка: 31 триада «мать–отец–ребенок» и 12 диад «мать–ребенок», возраст детей – от 10 месяцев до 2 лет, средний возраст – 1,5 года. Выявлено, что для благополучного протекания кризиса ребенку необходимы чувствительность матери, зрелость ее поведенческих проявлений при взаимодействии и воспитательных установок в сочетании с некоторой долей «условной любви» со стороны отцов.

Ключевые слова: кризис одного года; конструктивные новообразования; негативистские проявления; семейное взаимодействие; детско-родительское эмоциональное взаимодействие, постнатальная привязанность, воспитательные установки, удовлетворенность браком.

Исследование возрастных кризисов детства имеет как теоретическое значение для понимания общих закономерностей развития ребенка, так и практическое, связанное с помощью семье в этот период. Возрастной кризис характеризуется повышенной уязвимостью психики ребенка, изменением его поведения. Параллельно перестраиваются отношения ребенка со значимыми взрослыми.

Для понимания общей картины происходящих в кризисные периоды изменений прежде всего важно ответить на вопрос о нормативности возрастного кризиса. Исторически в отечественной психологии обозначались два разных подхода к природе кризиса. Так, П.П. Блонский и Л.С. Выготский постулировали нормативность этого этапа развития, разделяющего стабильные (литические) периоды [1]. Иногда отмечают, что на норматив-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00392-ОГН.

ность кризисов указывал и Э. Эриксон [2], но его понятие кризисов, или конфликтов развития, имеет свою специфику. Противоположной точки зрения придерживались А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Н.А. Менчинская: они полагали, что при определенно выстроенном воспитании ребенка проявлений возрастного кризиса можно избежать. Так, А.Н. Леонтьев отмечал, что неизбежны качественные сдвиги в развитии, а «кризисов вовсе может не быть, если психическое развитие ребенка складывается не стихийно, а является разумно управляемым процессом» [3. С. 509].

Кроме этих крайних позиций можно выделить и промежуточные. Так, Л.И. Божович объясняет проявления кризиса фрустрацией ребенка из-за подавления его новых потребностей, подчеркивая как внешние, так и внутренние факторы этой депривации [4]. Близкие идеи встречаются у Д.Б. Эльконина, рассматривающего, с одной стороны, причиной кризиса отношение взрослых, мешающее реализации ребенком своих новых возможностей, а с другой стороны, включающего кризисы в свою периодизацию развития [5].

Продуктивной идеей, позволяющей синтезировать разные подходы, стало разделение «объективного» и «субъективного» кризисов Т.В. Гуськовой и М.Г. Елагиной. «Объективный» кризис – это конструктивные личностные новообразования (качественный сдвиг, перелом, по А.Н. Леонтьеву), он нормативен. «Субъективный» кризис – сопутствующие поведенческие реакции (симптомы), и его может и не быть [6].

Тем не менее картина нормативности кризисных проявлений, по данным более поздних эмпирических исследований, выглядит более сложной. Так, К.Н. Поливанова на примере кризиса семи лет выявила психологический смысл всех категорий симптомов, включая негативистские. Она трактует кризис как психологическое пространство, в котором совершается акт развития, при этом подчеркивая единство его конструктивной и деструктивной составляющих [7]. На наш взгляд, в настоящее время наиболее интегративная модель нормативности / ненормативности разных категорий проявлений возрастного кризиса предложена Ю.Ю. Кузнецовой (Улановой) на примере кризиса трех лет. Эмпирически подтверждены нормативность конструктивной составляющей кризиса, ненормативность невротических реакций, показано промежуточное положение негативистских симптомов. Так, была выявлена взаимосвязь характеристик семейного взаимодействия с невротическими реакциями и негативистскими проявлениями («субъективный» кризис), при этом она наиболее выражена в ситуации затянувшегося кризиса [8].

Кризис одного года относится к «малым» кризисам, он разделяет младенчество и раннее детство как периоды одной эпохи развития [5]. По сравнению с более ярким кризисом трех лет он носит пассивный характер, является в основном реакцией на запреты со стороны взрослых [7]. Следует отметить некоторую условность границ этого кризиса: он может начаться еще до года и растянуться на несколько месяцев. Это один из наименее детально изученных кризисов детства, но актуальность его изучения свя-

зана с тем, что прохождение ребенком этого раннего кризисного этапа формирует паттерны поведения и ребенка, и родителей.

Психологическое содержание кризиса одного года впервые было раскрыто Л.С. Выготским [1]. К конструктивным новообразованиям относятся становление ходьбы и появление первых многозначных слов. Ходьба расширяет физическое пространство, диапазон доступных для ребенка объектов. Автономная детская речь – ключевое новообразование в связи с ее ролью для социальных отношений. Также это переходный этап, мост к развитию речи как символической функции сознания, что соответствует критерию кризисного новообразования – смене стабильным новообразованием. В качестве негативистских проявлений кризиса Л.С. Выготский рассматривает гипобулические реакции – яркие эмоциональные акты недовольства, протеста, связанные с тем, что ребенок наталкивается на запреты.

Иную модель этого кризиса предложила Л.И. Божович, опираясь на наблюдения Н.А. Менчинской и В.С. Мухиной [4]. Главным новообразованием кризиса одного года является появление «мотивирующих представлений» – у ребенка возникают образы каких-то привлекательных предметов и мест, и они стимулируют ребенка стремиться к ним. Это кардинально новая ситуация, так как до этого ребенок был поглощен полем непосредственно воспринимаемых объектов. С развитием представлений кроме внешней мотивации запускается и внутренняя. Л.И. Божович описывает это изменение как становление субъектности ребенка. Также она высказывает мысль, что именно депривация потребностей и желаний, обусловленных мотивирующими представлениями, фрустрирует ребенка и приводит к гипобулическим реакциям.

К.Н. Поливанова трактует содержание кризиса одного года в соответствии со своей концепцией перехода от объективации способностей / новообразований к их субъективации в кризисные периоды [7]. В предшествующий стабильный младенческий период идет развитие аффективно-потребностной сферы. Социальная ситуация развития обусловлена полной зависимостью ребенка от взрослого и удовлетворением потребностей ребенка. С развитием ползания и ходьбы диапазон привлекающих ребенка объектов расширяется, и он начинает сталкиваться с системой запретов. Именно запрет, с точки зрения К.Н. Поливановой, является ключевым моментом, приводящим к сдвигу в психическом развитии. У ребенка появляется стремление к предмету потребности, и неудовлетворение желания позволяет ребенку его прочувствовать. Таким образом, из объекта ребенок становится субъектом желаний, появляется «Я-желающий». К.Н. Поливанова также делает два важных дополнения к идеям Л.С. Выготского. Первое касается ходьбы – она отмечает, что в период кризиса у детей часто возникает особое отношение к ней. В ситуации, когда маящий предмет легко достать, если проползти, ребенок тем не менее может привлечь внимание взрослых, чтобы с их помощью именно пройти к этому объекту. Затем такое отношение к ходьбе исчезает. Именно это временно привлекательное отношение к новому способу передвижения можно рассматривать

как летучее кризисное новообразование, а не саму ходьбу как постоянное приобретение. Второй момент связан с речью. Во-первых, К.Н. Поливанова не согласна с Л.С. Выготским в том, что непонимание взрослыми первых слов ребенка провоцирует гипобулические реакции; она полагает, что для протеста важнее запреты. Во-вторых, она подчеркивает, что функция первых слов – указание на привлекательные объекты и тем самым означивание удерживаемого аффекта, продление времени его жизни.

Таким образом, при благополучном протекании кризиса одного года появляются следующие новообразования в психике ребенка: дифференциация предметной и социальной среды, разрушение «пра-мы», появление такой формы Я, как «Я-желающий» [5, 7].

Менее детализирована картина негативистских проявлений кризиса одного года. Действительно, тут сложно выявить отдельные четко дифференцированные поведенческие реакции (симптомы), как в другие кризисные периоды детства. Л.С. Выготский говорил о гипобулических реакциях, Л.И. Божович – о капризах как реакциях на запреты. Одна из попыток систематизации – выделение условно трех компонентов в негативистских проявлениях кризиса:

- 1) повышенная эмоциональность, гипобулические реакции – акцент на эмоциональной стороне проявлений кризиса;
- 2) капризы, реакции на запреты – акцент на поведении и действиях ребенка в отношении конкретных ситуаций фрустрации потребностей;
- 3) возбудимость и агрессия – акцент на поведении и действиях ребенка без указания на конкретные ситуации фрустрации потребностей [9].

Другим малоизученным вопросом является взаимосвязь проявлений кризиса одного года с семейным взаимодействием. В большинстве исследований роль семейных факторов для психического развития детей рассматривается в стабильные периоды. Так, показано, что развитие активной речи, сенсорное развитие и навыки детей от одного года до двух лет положительно коррелируют с вниманием к ребенку, эмоциональной и вербальной чувствительностью матерей. Показатели понимания речи и сформированности предметных действий ниже при установках матерей на семейные конфликты, излишнюю строгость и стремление ускорить развитие ребенка. В то же время сенсорное развитие при таких установках, наоборот, выше [10].

В современных зарубежных исследованиях раннего возраста тема возрастных кризисов не представлена в связи с большей популярностью модели перехода. Детско-родительские отношения часто изучаются на основе теории привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт, а проблемы в поведении детей и детско-родительском взаимодействии рассматриваются через призму темпераментных особенностей детей. Так, в исследовании на выборке 128 евроамериканских младенцев и их матерей показано, что безопасность привязанности младенцев чувствительна как к статичным, так и к динамическим аспектам эмоциональной стороны воспитания в течение первого года и что эта взаимосвязь модулируется темпераментными характеристиками ребенка [11]. Изучается и обратная сторона – постнатальная

привязанность матерей к ребенку, которая, как выявлено, находится в умеренной связи с пренатальной привязанностью [12, 13]. Все более актуальна трехкомпонентная модель детерминант родительского функционирования Дж. Бельского: личные ресурсы родителей, особенности ребенка и источники стресса и поддержки [14]. На выборке 129 родителей и их 15-месячных детей из Голландии показаны взаимосвязи более благополучного / компетентного родительского функционирования с безопасным типом привязанности у детей и более высоким уровнем их когнитивного развития [15]. Российские исследования подтверждают значимость изучения привязанности. Так, на выборке 130 детей в возрасте 11–16 месяцев из семей Санкт-Петербурга с низкой степенью риска обнаружено, что 50% детей показывают сложные ненадежные типы привязанности к матери [16].

Также следует отметить, что в последнее время растет интерес к теме роли отцов в воспитании и психическом развитии детей, разрабатываются модели вовлеченности отца в воспитание [17–20].

Что касается кризисных периодов детства, то изначально в теории подчеркивалась важность создания родителями условий для проявления ребенком своих новых возможностей [5]. Противоречия между ребенком и его окружением выступают механизмом кризиса наряду с внутренними противоречиями [6]. К.Н. Поливанова представила модель пассивного кризиса у родителей (кризиса системы воспитания). Важен переход от этапа усиления привычных воспитательных воздействий к этапу поиска новых способов взаимодействия с детьми [7].

В последние годы наряду с теоретическими разработками в этой области появились и эмпирические исследования. Так, при изучении кризисов трех и шести-семи лет обнаружены тесные взаимосвязи кризисной симптоматики, прежде всего проявлений «субъективного кризиса», с характеристиками детско-родительского взаимодействия [21–23]. Показано, что зрелость стилевых характеристик воспитания и благополучие в эмоциональном взаимодействии являются важными ресурсами для благополучного протекания кризисов детства, так как они снижают выраженность невротических и негативистских кризисных проявлений. Анализ причин упрямства и негативизма у детей, проведенный А.А. Шавыриной, также выявил, что во многом они являются следствием непродуманных действий взрослых без учета новых потребностей детей [24].

Сравнение протекания кризисов одного года и трех лет в связи с эмоциональной стороной детско-родительского взаимодействия показало, что конструктивный компонент кризиса сильнее связан с особенностями эмоционального взаимодействия в кризисе одного года по сравнению с кризисом трех лет. Негативистские симптомы, наоборот, более тесно связаны с характеристиками взаимодействия в период кризиса трех лет, особенно это касается критической фазы [8]. Таким образом, в более яркий кризис трех лет особенности взаимодействия матерей с детьми более связаны с «субъективным» кризисом, «объективный кризис» нормативен и не зависит от характеристик эмоционального взаимодействия в семье. В то же

время в менее ярко выраженный кризис одного года эмоциональная сторона отношений родителей с детьми взаимосвязана с «объективным кризисом». Это подтверждает значимость семейного взаимодействия для психического развития ребенка в этот период и благополучного протекания кризиса.

Следует также отметить, что первые эмпирические данные о взаимосвязи проявлений кризиса одного года и эмоционального детско-родительского взаимодействия показали различия в отношении матерей и отцов [9]. Так, было выявлено, что для конструктивных новообразований кризиса имеют значение чувствительность матери и ее умение воздействовать на состояние ребенка и в то же время проявления «условной любви» со стороны отцов (менее выраженные эмпатия и эмоциональное принятие).

Таким образом, актуальным является эмпирическое исследование взаимосвязи проявлений кризиса одного года и характеристик семейного взаимодействия с учетом разных сторон этого взаимодействия: мать–ребенок, отец–ребенок, а также линии отношений между родителями. Эти данные позволят уточнить теоретические разработки в области кризиса одного года. С практической точки зрения следует отметить, что кризисный период, переживаемый ребенком, создает некоторую напряженность для всей семейной системы.

В последнее время растет интерес к проблеме семейной устойчивости и преодоления семьей различных жизненных трудностей [25], но тема возрастных кризисов как кризисов системы воспитания и всей семейной системы в целом часто остается за рамками рассмотрения. Особенно значимо это в современных условиях, когда нормативные модели родительства изменяются, идет переход к более гибким и демократичным отношениям внутри семей, выражена гиперопека детей [22, 26]. Представленное исследование направлено на то, чтобы увидеть взаимосвязи кризисных проявлений с особенностями семейного воспитания и тем самым помочь родителям выстроить отношения с детьми, способствующие задачам развития в кризисный период. Это представляется нам особенно важным в свете того, что уже в раннем детстве формируются паттерны детско-родительских отношений, которые обладают достаточной устойчивостью и переходят в следующие возрастные периоды.

Цель исследования – выявление взаимосвязей проявлений кризиса одного года у детей и характеристик семейного взаимодействия. При этом под характеристиками семейного взаимодействия мы подразумеваем как детско-родительское взаимодействие (диады мать–ребенок и отец–ребенок), так и отношения в супружеских парах (через показатели удовлетворенности браком).

Гипотезы исследования:

1. Конструктивные новообразования кризиса одного года положительно взаимосвязаны с благополучием в эмоциональной стороне взаимодействия матерей с детьми и в то же время – с менее высокими показателями позитивного эмоционального фона взаимодействия со стороны отцов, а также со зрелостью воспитательных установок матерей.

2. Для меньшей выраженности негативистских реакций у ребенка важны сформированность блока поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия у родителей (умение воздействовать на состояние ребенка, оказание эмоциональной поддержки), зрелость воспитательных установок матерей и удовлетворенность родителей браком.

Данные гипотезы были сформулированы частично на основе предыдущих пилотажных исследований, показавших разный характер взаимосвязей кризисных проявлений с показателями эмоциональной стороны взаимодействия с детьми отцов и матерей. Что касается удовлетворенности родителей браком, мы предположили, что эта характеристика может влиять на эмоциональный фон родителей, который, в свою очередь, отражается на эмоциональном состоянии детей.

Задачи исследования:

1. Изучить конструктивные новообразования и негативистские проявления кризиса одного года у детей.

2. Исследовать характеристики семейного взаимодействия: эмоциональную сторону взаимодействия матерей и отцов с детьми, параметры постнатальной привязанности матерей к детям, воспитательные установки матерей и удовлетворенность родителей браком.

3. Выявить взаимосвязи кризисных проявлений с характеристиками семейного взаимодействия.

Организация и методы исследования

Дизайн исследования. Из организационных методов мы применяли метод поперечных срезов – исследовалось две микровозрастных группы детей (дети от 10 мес. до 1 года 6 мес. и дети от 1 года 7 мес. до 2 лет).

Выборка исследования. Исследование проводилось в 2016–2018 гг. на базе Детского развивающего центра «Дочки-сыночки» Колпинского района г. Санкт-Петербурга.

В исследовании приняли участие 117 человек из 43 семей: 31 триада «мать–отец–ребенок» и 12 диад «мать–ребенок», т.е. 43 ребенка (20 мальчиков и 23 девочки), 43 матери и 31 отец. Возраст детей – от 10 мес. до 2 лет, средний возраст – 1,5 года.

С целью выявления критической и посткритической фаз кризиса дети были разбиты на 2 группы: от 10 мес. до 1 года 6 мес. (29 детей) и от 1 года 7 мес. до 2 лет (14 детей).

Такое разбиение связано с тем, что в теории психологии возрастных кризисов постулируется вариативность, размытость границ кризиса. В связи с этим, учитывая некоторый сдвиг в развитии речи у современных детей (уровень ее развития у многих детей около года невысокий), мы сдвинули границу для искомой критической фазы до полутора лет. Другим критерием для такой границы стал учет того, что по инструкции опросника родители отмечают новое в поведении ребенка в последние два месяца, т.е. присутствует ретроспективность ответов. Детей, которым на момент ис-

следования было ровно 1 год 6 мес. (9 детей), мы посчитали более корректным отнести к первой группе, так как, по нашим наблюдениям за детьми, кризисные явления у них еще не стихают, и посткритическую фазу нужно искать за границей полутора лет.

Выборку составили 28 единственных детей и 15 детей, имеющих сиблингов.

Большинство родителей (около 70%) имеют высшее образование.

Методы исследования:

1. Опросник проявлений кризиса одного года В.Е. Василенко, разработанный на основе схемы наблюдения К.Н. Поливановой [27].

2. Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) Е.И. Захаровой [28].

3. Шкала постнатальной материнской привязанности Дж. Кондона [29].

4. Опросник изучения родительских установок (PARY) Е. Шеффер и Р. Белл в адаптации Т.В. Нещерет [28].

5. Тест на удовлетворенность браком Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана и Е.М. Дубовской [Там же].

Матери заполняли весь блок методик (но не по всем из них есть данные по всей выборке матерей, что будет указано в таблицах), отцы – опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) Е.И. Захаровой и тест на удовлетворенность браком Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана и Е.М. Дубовской.

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 21: описательная статистика, дисперсионный анализ по факторам возрастной группы, пола и наличия сиблингов, корреляционный анализ по Спирмену.

Результаты исследования

Изучение кризисных проявлений по опроснику В.Е. Василенко показало, что в обеих возрастных группах (дети от 10 мес. до 1 года 6 мес. и от 1 года 7 мес. до 2 лет) можно говорить о выраженности кризиса за счет его конструктивной составляющей – отмечается яркая выраженность конструктивных психических новообразований (табл. 1). В обеих группах родители прежде всего отмечают появление конструктивных новообразований в сфере речи. На втором месте по выраженности у детей до полутора лет находится появление мотивирующих представлений, а у детей после полутора лет – новообразования в сфере моторики. Таким образом, мы видим, что у детей появляются первые многозначные слова, вторичные образы привлекающих предметов и мест, к которым они стремятся, ходьба на короткое время становится более привлекательной, чем ползание.

Негативистские проявления кризиса представлены в меньшей степени. В первой возрастной группе они выражены на уровне ниже среднего, во второй – на среднем уровне, но это различие не является статистически значимым. Родители отмечают у детей повышенную эмоциональность

и появление гипобулических реакций. После полутора лет становятся выраженными капризы, реакции на запреты, возбудимость и агрессия.

Дисперсионный анализ не выявил значимых различий в показателях кризисных проявлений у детей двух возрастных групп, т.е. угасания кризиса после полутора лет и посткризисную фазу выявить не удалось.

Значимых различий в связи с полом ребенка и наличием сиблингов не выявлено.

Таблица 1.

**Показатели проявлений кризиса одного года у детей двух возрастных групп
(по опроснику В.Е. Василенко)**

Мах по шкалам = 6, мах по общим показателям = 100%	Выборка в целом (n = 43)		Первая возрастная группа (от 10 мес. до 1 года 6 мес.) (n = 29)		Вторая возрастная группа (от 1 года 7 мес. до 2 лет) (n = 14)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Станд. откл.	F-кр.	Знач.
Развитие моторики, рост интереса к взаимодействию с предметами, особое отношение к ходьбе	4,24	1,27	4,19	1,14	4,36	1,55	–	–
Предречевое развитие, появление автономной детской речи	5,13	1,17	4,95	1,27	5,50	0,85	–	–
Появление мотивирующих представлений	4,29	1,33	4,29	1,28	4,29	1,49	–	–
Капризы, реакции на запреты	2,99	1,47	2,81	1,30	3,36	1,78	–	–
Повышенная эмоциональность, гипобулические реакции	3,76	1,73	3,64	1,82	4,00	1,57	–	–
Возбудимость, агрессия	2,63	1,69	2,38	1,72	3,14	1,56	–	–
Конструктивные новообразования	75,79	14,14	74,91	13,46	77,61	15,82	–	–
Негативистские проявления	51,57	24,18	48,98	24,15	56,93	24,23	–	–
Общий показатель кризиса	63,89	15,66	61,96	14,88	67,91	17,01	–	–

Далее рассмотрим характеристики семейного взаимодействия, начиная с эмоционального компонента.

Изучение эмоционального взаимодействия родителей с детьми выявило, что показатели по всем трем блокам – чувствительности, эмоционального принятия и поведенческих проявлений – как у матерей, так и у отцов близки к среднему уровню и не достигают критических значений (при сопоставлении с нормативными данными, полученными автором методики на выборке дошкольников).

Как видно из табл. 2, и у матерей, и у отцов наибольшие значения получены по трем одинаковым параметрам, но в разной последовательности. Так, у матерей наиболее выражено стремление к телесному контакту, на втором месте – позитивные чувства во взаимодействии с ребенком, далее следует безусловное принятие. У отцов наиболее выражены позитивные чувства во взаимодействии с ребенком, на втором месте – безусловное принятие, на третьем – стремление к телесному контакту. Наиболее низкие средние показатели как у матерей, так и у отцов отмечаются по шкале «ориентация на состояние ребенка при взаимодействии».

Таблица 2

Показатели характеристик эмоционального взаимодействия матерей и отцов с детьми (по опроснику детско-родительского эмоционального взаимодействия Е.И. Захаровой)

Показатели по шкалам (max = 5)	Показатели матерей (n = 31)		Показатели отцов (n = 31)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Станд. откл.	F-кр.	Знач.
Способность воспринимать состояние ребенка	4,02	0,58	3,65	0,67	5,50	0,022
Понимание причин состояния	3,39	0,50	3,36	0,63	–	–
Эмпатия	3,49	0,69	3,28	0,56	–	–
Позитивные чувства при взаимодействии с ребенком	4,34	0,46	4,28	0,52	–	–
Безусловное принятие	4,29	0,49	4,20	0,51	–	–
Принятие себя в качестве родителя	3,90	0,69	3,84	0,74	–	–
Преобладающий эмоциональный фон взаимодействия	3,74	0,59	3,92	0,70	–	–
Стремление к телесному контакту	4,39	0,49	4,06	0,60	5,54	0,022
Оказание эмоциональной поддержки	3,97	0,42	3,66	0,67	4,72	0,034
Ориентация на состояние ребенка при взаимодействии	2,95	0,46	2,80	0,71	–	–
Умение воздействовать на состояние ребенка	3,45	0,56	3,55	0,66	–	–
Блок чувствительности (max = 15)	10,89	1,26	10,28	1,11	4,12	0,047
Блок эмоционального принятия (max = 20)	16,27	1,74	16,23	1,77	–	–
Блок поведенческих проявлений (max = 20)	14,75	1,21	14,06	1,79	3,18	0,080

Частотный анализ выявил, что наибольшие проблемы в эмоциональном взаимодействии связаны со сниженными показателями способности воспринимать состояние ребенка (у 29% матерей и 48% отцов). Понимание причин состояния ребенка вызывает трудности у 26% матерей и 39% отцов. Проблемы с умением воздействовать на состояние ребенка отмечают

ся у 29% матерей и 26% отцов. Трудности с ориентацией на состояние ребенка при взаимодействии характерны для 10% матерей и 23% отцов. Сниженная эмпатия отмечается у 16% матерей и всего у 3% отцов. Трудности с принятием своей родительской роли характерны для 13% матерей и 6% отцов. Эмоциональный фон при взаимодействии с ребенком снижен у 10% матерей и 6% отцов. Стремление к телесному контакту снижено у 3% матерей и 19% отцов. Наиболее благоприятная картина отмечается по шкалам «безусловное принятие» (нет сниженных показателей), «позитивные чувства при взаимодействии с ребенком» (показатели снижены только у 6% отцов) и «оказание эмоциональной поддержки» (показатели снижены у 10% отцов).

Выявлен ряд различий между показателями матерей и отцов. У матерей выше общий показатель по блоку чувствительности ($p < 0,05$) и на уровне статистической тенденции – общий показатель по блоку поведенческих проявлений ($p < 0,1$). Из отдельных параметров у матерей выше способность воспринимать состояние ребенка, стремление к телесному контакту и оказание эмоциональной поддержки ($p < 0,05$).

Перейдем к рассмотрению параметров постнатальной привязанности матерей к ребенку, которые также показывают прежде всего эмоциональную сторону отношений.

Данные табл. 3 свидетельствуют о высокой привязанности матерей к детям, о том, что они получают удовольствие от взаимодействия; негативные чувства выражены в незначительной степени. Эти результаты в целом согласуются с описанными выше данными изучения эмоциональной стороны взаимодействия матерей с детьми по опроснику Е.И. Захаровой.

Таблица 3

**Показатели привязанности матери к ребенку
(по шкале постнатальной материнской привязанности Дж. Кондона)**

Показатели по шкалам	Показатели матерей (n = 22)	
	Ср. знач.	Станд. откл.
Качество привязанности (max = 45)	37,05	4,04
Отсутствие враждебности (max = 25)	18,96	2,91
Удовольствие от взаимодействия (max = 25)	20,05	3,72
Общий показатель привязанности матери к ребенку (max = 95)	76,05	8,64

Рассмотрим воспитательные установки матерей, отражающие в большей степени когнитивный компонент взаимодействия.

Проведенное исследование выявило, что у матерей нашей выборки преобладают воспитательные установки, направленные на установление оптимального эмоционального контакта с ребенком (табл. 4). Так, наиболее выраженными установками являются установки на уравнивательные отношения между родителями и ребенком и вербализацию. Установки на партнерские отношения и развитие активности ребенка также сильно выражены.

В то же время следует отметить, что третье место по выраженности занимает установка на семейные конфликты, показывающая отношение к семейной роли.

Излишняя концентрация на ребенке также характерна для воспитательных установок матерей, прежде всего отмечается опасение обидеть ребенка, далее – чрезвычайное вмешательство в мир ребенка и подавление агрессивности.

Из показателей, относящихся к излишней эмоциональной дистанции с ребенком, более других выражена излишняя строгость.

Таблица 4

**Показатели воспитательных установок матерей
(по опроснику PARY E. Шеффер и Р. Белл в адаптации Т.В. Нещерет)**

Показатели по шкалам (max = 20)	Показатели матерей (n = 22)	
	Ср. знач.	Станд. откл.
Вербализация	15,95	2,59
Чрезмерная забота	11,00	2,51
Зависимость матери от семьи	9,64	3,03
Подавление воли ребенка	11,45	2,22
Ощущение самопожертвования в роли матери	10,64	2,59
Опасение обидеть ребенка	14,55	2,63
Семейные конфликты	15,05	2,46
Раздражительность, вспыльчивость	11,05	3,42
Излишняя строгость	12,41	3,02
Исключение внесемейных влияний	11,23	1,72
Сверхавторитет родителей	13,09	2,16
Подавление агрессивности	12,45	3,04
Неудовлетворенность ролью хозяйки дома	11,36	2,57
Партнерские отношения	13,68	2,12
Развитие активности ребенка	13,32	2,30
Уклонение от контакта с ребенком	9,23	1,80
Безучастность мужа	10,64	2,28
Подавление сексуальности	10,18	2,13
Доминирование матери	10,36	2,46
Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка	12,55	2,02
Уравнительные отношения между родителями и ребенком	17,05	2,75
Стремление ускорить развитие ребенка	9,73	2,49
Зависимость и несамостоятельность матери	13,05	3,34
Оптимальный эмоциональный контакт с ребенком	15,01	1,53
Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком	10,80	1,95
Излишняя концентрация на ребенке	11,61	1,23

Наименее выраженными установками из всех блоков являются уклонение от контакта с ребенком, зависимость матери от семьи (ограниченность ее интересов рамками семьи) и стремление ускорить развитие ребенка.

Таким образом, в целом можно охарактеризовать матерей нашей выборки как женщин, обладающих довольно зрелыми воспитательными установками и стремящихся установить с детьми оптимальный эмоциональный контакт.

Перейдем к результатам изучения взаимодействия супругов, которые мы косвенно рассматриваем через удовлетворенность родителей браком.

Таблица 5

**Показатели удовлетворенности браком
(по тесту Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской)**

Показатели по шкалам (max = 48)	Показатели матерей (n = 43)		Показатели отцов (n = 31)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Станд. откл.	F-кр.	Знач.
Удовлетворенность браком	34,65	8,46	35,23	7,03	–	–

Выявлен высокий уровень удовлетворенности браком как у женщин, так и у мужчин, различия между ними незначимы.

Рассмотрим результаты корреляционного анализа. Отметим, что по его данным мы можем говорить о взаимосвязях, не указывая причины и следствия. Тем не менее с учетом того, что кризисные проявления у детей только формируются и они менее устойчивы по сравнению с характеристиками семейного взаимодействия, описание результатов и их интерпретации мы в основном будем проводить с ракурса выраженности кризисных проявлений при тех или иных показателях взаимодействия.

Выявлены взаимосвязи кризисных проявлений и показателей эмоционального взаимодействия матерей с детьми. Так, негативистские проявления кризиса в целом менее выражены при более развитом умении матерей воздействовать на состояние ребенка ($p < 0,05$).

Из отдельных конструктивных кризисных новообразований наибольшее количество взаимосвязей с показателями эмоционального взаимодействия матерей с детьми имеет автономная детская речь. Она более развита при более высоких показателях способности воспринимать состояние ребенка ($p < 0,01$), понимания причин состояния, оказания эмоциональной поддержки и умения воздействовать на состояние ребенка ($p < 0,05$). Мотивирующие представления лучше сформированы при большей ориентации матерей на состояние ребенка при взаимодействии ($p < 0,05$). У новообразований в сфере моторики корреляций не выявлено.

Что касается отдельных негативистских проявлений, то наибольшее количество взаимосвязей выявлено по параметру «капризы, реакции на запреты». Эти реакции отрицательно коррелируют с умением матери воздействовать на состояние ребенка ($p < 0,01$), с позитивными чувствами матери при взаимодействии с ребенком и с преобладающим позитивным эмоциональным фоном взаимодействия ($p < 0,05$). Повышенная эмоциональность и гипобулические реакции отрицательно коррелируют с позитивными чув-

ствами матери при взаимодействии с ребенком и с оказанием эмоциональной поддержки ребенку ($p < 0,05$). Возбудимость менее выражена при умении матери воздействовать на состояние ребенка ($p < 0,05$).

Таким образом, для конструктивного компонента кризиса более значимыми оказались показатели блоков чувствительности матери и ее поведенческих проявлений при взаимодействии. Негативистские проявления взаимосвязаны прежде всего с показателями поведенческих проявлений, а также эмоционального принятия.

Количество взаимосвязей кризисных проявлений с показателями эмоционального взаимодействия отцов с детьми меньше, чем у матерей, и они касаются только конструктивного компонента. Интересно, что на выборке отцов выявлен противоположный характер связей с конструктивными новообразованиями кризиса (отрицательные корреляции). Также различие в том, что с показателями матерей из конструктивных проявлений была более всего взаимосвязана автономная детская речь, в то время как с показателями отцов – мотивирующие представления. Еще одно различие: на выборке отцов выявлены взаимосвязи новообразований в сфере моторики, чего на выборке матерей обнаружено не было.

Итак, на выборке отцов выявлено, что конструктивные новообразования кризиса (общий показатель) лучше сформированы при меньшей выраженности позитивных чувств при взаимодействии ($p < 0,05$).

Более всего взаимосвязей из конкретных проявлений имеют мотивирующие представления – они более развиты при более низком показателе по блоку эмоционального принятия у отцов и при более низких показателях по параметрам «позитивные чувства при взаимодействии отца с ребенком», «принятие родительской роли», «преобладающий эмоциональный фон взаимодействия» ($p < 0,01$). Новообразования в сфере моторики (рост интереса к взаимодействию с предметами, особое отношение к ходьбе) отрицательно коррелируют со способностью отца воспринимать состояние ребенка ($p < 0,05$).

Интересно, что с показателями постнатальной привязанности взаимосвязей не выявлено.

Корреляционный анализ выявил взаимосвязи кризисных проявлений с показателями воспитательных установок матерей (за исключением мотивирующих представлений). Общий показатель кризиса выше при установках как на излишнюю строгость, так и на партнерские отношения и ниже при установках на чрезмерную заботу и подавление агрессивности ($p < 0,05$). Общий показатель конструктивных проявлений ниже при установке на зависимость женщины от семьи (ограниченность интересов женщины рамками семьи, заботами исключительно о семье). Общий показатель негативистских проявлений выше при установке на излишнюю строгость ($p < 0,05$) и ниже при установке на подавление агрессивности ($p < 0,01$).

Что касается отдельных кризисных проявлений, то новообразования в сфере моторики (рост интереса к взаимодействию с предметами, особое отношение к ходьбе) имеют наибольшее количество взаимосвязей с воспи-

тательными установками. Они более выражены при установках на партнерские отношения с детьми ($p < 0,01$) и менее выражены при установках на зависимость и ограниченность интересов матери рамками семьи ($p < 0,01$), подавление воли ребенка, уклонение от контакта с ребенком и чрезвычайное вмешательство в мир ребенка ($p < 0,05$). Автономная детская речь отрицательно коррелирует с установкой на чрезвычайное вмешательство в мир ребенка ($p < 0,05$). Капризы и реакции на запреты, а также повышенная эмоциональность и гипобулические реакции более выражены при общем показателе «излишняя эмоциональная дистанция с ребенком» и менее выражены при установке на подавление агрессивности ($p < 0,05$). Кроме того, капризы и реакции на запреты более выражены при установке на излишнюю строгость ($p < 0,01$), а повышенная эмоциональность, гипобулические реакции менее выражены при установках на чрезмерную заботу ($p < 0,05$). Возбудимость и агрессия более выражены при установке на партнерские отношения ($p < 0,05$) и менее выражены при установках на подавление агрессивности и доминирование матери ($p < 0,01$) и чрезмерную заботу ($p < 0,05$).

Кризисные проявления у детей оказались взаимосвязаны с показателями удовлетворенности браком у их матерей. Так, выявлено, что чем выше удовлетворенность браком у женщины, тем меньше проблем она отмечает в плане повышенной эмоциональности ребенка, тем менее выражены у него в поведении гипобулические реакции и тем ниже общий показатель кризиса ($p < 0,05$). Корреляций между удовлетворенностью браком отцов и кризисными проявлениями у ребенка не обнаружено.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования поднимают ряд вопросов. Основной из них связан с методологией изучения кризисных периодов. По нашим данным выявить посткритическую фазу, т.е. угасание кризиса после полутора лет, не удалось. По-видимому, для ее выявления необходимы более представительная выборка и лонгитюдное исследование. Трудности при выявлении посткритической фазы обнаружены и при исследовании кризиса трех лет [23], что подтверждает идею Л.С. Выготского о размытости границ кризиса. Также интересно было бы расширить выборку, опуская возрастную границу, чтобы увидеть переход от предкритической фазы к критической. В упомянутом выше исследовании кризиса трех лет этот переход удалось уловить даже с помощью метода поперечных срезов.

Тем не менее, если подходить к понятию «возрастной кризис» как к нормативному явлению, как к периоду перестройки на стыке стабильных периодов, то можно не делать акцент на противоречиях этого подхода с моделью перехода. На наш взгляд, это, скорее, дополняющие друг друга ракурсы рассмотрения происходящих с ребенком в процессе развития изменений. Так, данные нашего исследования позволяют говорить о благополучном протекании кризиса одного года у детей – отмечается появление

конструктивных новообразований, прежде всего в области предречевого и речевого развития. Также отмечается появление мотивирующих представлений, т.е. всплывающих в памяти ребенка образов привлекательных предметов и мест, к которым он начинает стремиться, и новообразований в сфере моторики, связанных с ростом интереса к окружающим предметам и особым отношением к новому способу передвижения – ходьбе, которая становится привлекательнее ползания. Таким образом, современные эмпирические данные подтверждают теоретические положения Л.С. Выготского, Л.И. Божович и К.Н. Поливановой относительно конструктивных новообразований кризиса. Негативистские проявления выражены менее ярко – у детей до полутора лет можно говорить о признаках повышенной эмоциональности, появлении гипобулических реакций. У детей после полутора лет становятся более явными капризы, реакции на запреты, возрастают возбудимость и агрессия. Это свидетельствует об условности границ возрастного кризиса, а также подтверждает правомерность разделения «объективного» и «субъективного» его компонентов.

Не обнаружено половой специфики проявлений кризиса одного года и особенностей протекания кризиса у детей в связи с наличием сиблингов. Эти данные отличаются от результатов исследования аналогичных факторов при протекании кризиса трех лет у детей. Так, было выявлено, что кризис, особенно его конструктивный компонент, более выражен у девочек, и была показана большая уязвимость детей, имеющих сиблингов [30].

Что касается результатов изучения эмоциональной стороны взаимодействия родителей с детьми, то в целом можно говорить о благоприятной картине отношений с детьми как у матерей, так и у отцов. У матерей наиболее выражены стремление к телесному контакту, позитивные чувства во взаимодействии с ребенком и безусловное принятие. Эти данные согласуются с результатами изучения эмоционального взаимодействия в период кризиса трех лет: у матерей преобладают стремление к телесному контакту, способность воспринимать состояние ребенка и безусловное принятие [23]. Интересно, что у отцов нашей выборки триада наиболее выраженных параметров оказалась такой же, как у матерей, только в другой последовательности: доминируют позитивные чувства во взаимодействии, а стремление к телесному контакту находится на третьем месте. К наиболее типичным проблемам при взаимодействии можно отнести трудности при восприятии состояния ребенка (встречаются почти у трети матерей и половины отцов), при понимании причин состояния ребенка (у четверти матерей и 40% отцов), неумение воздействовать на состояние ребенка (около трети матерей и четверть отцов). Эти данные также согласуются с результатами исследования в период кризиса трех лет, где наиболее выраженными проблемами были неумение воздействовать на состояние ребенка и непонимание причин его состояния [23]. Выявленные различия в показателях матерей и отцов – более высокая чувствительность матерей и большая выраженность и зрелость у них поведенческих проявлений при взаимодействии – закономерны и отражают традиционную гендерную, основанную

в том числе на биологических факторах большую включенность матери во взаимодействие с детьми раннего возраста.

Благополучие в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми также подтверждается данными о высокой привязанности матерей к детям, получении ими удовольствия от взаимодействия и низком показателе негативной настроенности по отношению к ребенку. Следует отметить, что большинство детей нашей выборки по своему возрасту находятся еще в стадии интенсивной привязанности к матери.

Изучение воспитательных установок матерей показывает направленность на установление оптимального эмоционального контакта с ребенком, наиболее выражены установки на уравнивательные отношения между родителями и ребенком (сотрудничество) и вербализацию, т.е. побуждение словесных проявлений. Эти установки являются доминирующими, по данным других исследований, и в стабильный период 4–6 лет и в период кризиса 6–7 лет [22]. Также выявлено сходство и в наименее выраженных установках – уклонении от контакта с ребенком и стремлении ускорить его развитие. В целом можно говорить о зрелости воспитательных установок матерей. Неоднозначным, на первый взгляд, является лишь факт, что третье место по выраженности занимает установка на семейные конфликты. Но показатель ее выраженности отражает понимание невозможности уйти от конфликтов в целом, преодоление идеализации и, соответственно, также достаточную зрелость когнитивного компонента отношений. Из менее позитивных тенденций следует отметить выраженность некоторых установок, связанных с излишней концентрацией на ребенке. Это укладывается в выявленные в другие возрастные периоды тенденции современных матерей к гиперопеке детей [22].

Удовлетворенность браком и у женщин, и у мужчин нашей выборки находится на достаточно высоком уровне.

Как показали результаты исследования, проявления кризиса одного года у детей взаимосвязаны прежде всего с показателями детско-родительского взаимодействия. При этом имеют значение как показатели эмоциональной стороны взаимодействия с обоими родителями, так и воспитательные установки матерей, отражающие в большей степени когнитивный компонент детско-родительских отношений.

При интерпретации полученных взаимосвязей следует учитывать, что было бы корректнее говорить не о кризисных проявлениях самих по себе, а о восприятии матерями кризисных проявлений у детей, но для краткости мы не будем каждый раз акцентировать на этом внимание.

Что касается эмоционального взаимодействия, то наши данные на большей выборке уточнили результаты пилотажного исследования [9].

Во-первых, более тесные взаимосвязи кризисных проявлений обнаружены с характеристиками эмоционального взаимодействия матерей по сравнению с отцами.

Во-вторых, взаимосвязи, выявленные у отцов, касаются только конструктивного компонента кризиса.

В-третьих, взаимосвязи конструктивных новообразований кризиса с параметрами эмоционального взаимодействия носят противоположный характер у матерей и отцов. Так, для формирования конструктивных кризисных новообразований (особенно для речевого развития, в меньшей степени – для появления мотивирующих представлений) ребенку необходимы чувствительность матери и зрелость ее поведенческих проявлений. В то же время со стороны отцов для формирования конструктивных новообразований, прежде всего мотивирующих представлений, желательна другая модель поведения, связанная с менее интенсивной выраженностью позитивных чувств при взаимодействии и эмоционального принятия. На наш взгляд, выявленные различия близки к понятиям безусловной и условной любви, описанным Э. Фроммом. Так, конструктивные новообразования кризиса связаны с проявлениями, напоминающими безусловную любовь к ребенку у матери и условную любовь у отца. Возможно, именно сочетание того и другого помогает благополучному разрешению кризиса, так как, с одной стороны, включает полное принятие и эмоциональную поддержку ребенка, а с другой – учит его реагировать на первые запреты и учитывать границы в ситуациях взаимодействия. При этом следует отметить, что гендерный аспект в данном случае выступает наиболее традиционным вариантом, что не исключает и других возможных моделей взаимодействия в семье с учетом личностных особенностей родителей.

Можно также отметить, что из конструктивных новообразований с показателями эмоционального взаимодействия матерей более всего взаимосвязана автономная детская речь, в то время как с показателями отцов – мотивирующие представления. Новообразования в сфере моторики коррелируют лишь с характеристиками эмоционального взаимодействия с отцами.

Негативистские симптомы у детей взаимосвязаны только с характеристиками эмоционального взаимодействия матерей, прежде всего с блоком поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия. Так, умение матери воздействовать на состояние ребенка, оказание ему эмоциональной поддержки приводят к снижению у него негативистских реакций. Также выявлены отрицательные взаимосвязи негативистских проявлений и показателей блока эмоционального принятия. При этом следует отметить, что наиболее тесные взаимосвязи с характеристиками эмоционального взаимодействия имеют капризы, реакции на запреты.

Можно предположить, что для благополучного протекания кризиса одного года подходит традиционная модель семейного взаимодействия. Задачей матери прежде всего является формирование у ребенка базового доверия к миру через эмоциональное принятие, а задачей отца – выстраивание некоторых границ в общении с ребенком через систему запретов. Как видно по нашим данным, некоторая строгость со стороны отца (связанная с меньшей выраженностью позитивных чувств при взаимодействии и эмоционального принятия) стимулирует у ребенка развитие новообразований в сфере моторики и в когнитивной сфере (появление мотивирующих представлений). Это согласуется и с тем, что четкая система запретов по-

могает ребенку пройти переход «объективация–субъективация», т.е. из объекта новых способностей стать их субъектом [7].

Перейдем к рассмотрению результатов, касающихся воспитательных установок матерей. Кризис, по оценкам матерей, в целом более выражен при установке на излишнюю строгость, но также и при установке на партнерские отношения. С одной стороны, это может подтверждать нормативность возрастного кризиса. С другой стороны, можно предположить, что установка на партнерские отношения не совсем адекватна возрасту детей и задачам их развития в периоды младенчества и раннего детства. Таким образом, обе установки не являются оптимальными и могут провоцировать негативистские проявления. Для установки на излишнюю строгость это подтверждается выявленной взаимосвязью с общим показателем негативистских проявлений. В данном случае можно вспомнить идею К.Н. Поливановой о важности родителям в период кризиса перейти с этапа усиления прежних воспитательных воздействий (этот этап как раз связан с усилением строгости) к этапу поиска новых воспитательных воздействий [Там же]. Также выявлено, что кризис менее выражен при установках на чрезмерную заботу и подавление агрессивности, при этом и общий показатель негативистских проявлений ниже при установке на подавление агрессивности. Что касается чрезмерной заботы, можно предположить, что она связана и со снижением конструктивной составляющей. Так, общий показатель конструктивных проявлений ниже при установке на зависимость женщины от семьи (ограниченность интересов женщины рамками семьи, заботами исключительно о семье).

Что касается отдельных кризисных новообразований (конструктивный компонент), то выявлена негативная роль установок, связанных с излишней концентрацией на ребенке, авторитарностью матери, в новообразованиях в сфере моторики и речи, особенно ярко это выражено в сфере моторики, отношения с предметным миром.

Негативистские проявления более выражены при установках, связанных с излишней эмоциональной дистанцией с ребенком. Капризы и реакции на запреты провоцируются строгостью и, по-видимому, вызывают желание родителей ее усилить, что отражает описанную К.Н. Поливановой схему прохождения родителями в период кризиса этапа «усиления прежних воспитательных воздействий». В то же время установка на партнерские отношения не снижает возбудимость и агрессию, а наоборот, провоцирует (в отличие от авторитарных установок в сочетании с заботой). Эти данные поднимают дискуссионные вопросы о воспитании в раннем детстве. Необходим поиск воспитательных стратегий, учитывающих возраст ребенка и помогающих ему почувствовать себя рядом с уверенным взрослым, помогающим ему выстроить границы своего поведения. В то же время важно создание безопасной среды, позволяющей ребенку выражать разные эмоции, в том числе и негативные. На наш взгляд, метафорически наиболее благоприятный семейный контекст можно было бы обозначить как «добрая, но твердая власть» – сочетание близости и выстраивания пер-

вых границ, помогающих ребенку постепенно выходить из слияния, симбиоза с матерью.

Интересно также то, что если удовлетворенность браком отцов не оказалась взаимосвязанной с психическим развитием и поведением ребенка в период кризиса, то удовлетворенность браком матерей имеет некоторые взаимосвязи с кризисными проявлениями детей. Чем более удовлетворена женщина браком, тем менее эмоционально в ее восприятии протекает кризис у ребенка – реже встречаются яркие вспышки протеста (гипобулические реакции) и ниже общая выраженность кризиса. Несмотря на то, что кризис в целом мы рассматриваем вслед за К.Н. Поливановой как акт развития, в данном случае снижение общего показателя связано, скорее, с негативистским компонентом, и в целом это можно рассматривать как позитивную тенденцию. Также можно предположить, что при высокой удовлетворенности браком женщины меньше фиксируются на негативистских проявлениях ребенка в силу своего более ресурсного состояния. В то же время при более низкой удовлетворенности браком женщины могут транслировать ребенку свое состояние, провоцируя у него определенные негативистские модели поведения. Эти данные нуждаются в уточнении на более широкой выборке, включающей менее удовлетворенных браком родителей.

Заключение

Проведенное исследование позволило нам сформулировать несколько выводов.

1. Кризис одного года протекает у детей в конструктивном русле – появляются автономная детская речь, мотивирующие представления и новообразования в сфере моторики, связанные с ростом интереса к окружающим предметам и особым отношением к ходьбе. У детей до полутора лет отмечаются признаки негативистских проявлений – повышенная эмоциональность и первые гипобулические реакции. После полутора лет более ярко выражены капризы, реакции на запреты, возбудимость и агрессия. При этом значимых различий между кризисными проявлениями детей до полутора лет и после полутора лет не выявлено, что не позволяет определить по нашим данным поскритическую фазу. В проявлениях кризиса одного года не выявлено значимых различий в связи с полом детей и наличием у них сиблингов.

2. В целом можно говорить о благополучии в эмоциональном взаимодействии с детьми как матерей, так и отцов – преобладают позитивные чувства во взаимодействии, безусловное принятие, выражено стремление к телесному контакту с ребенком. При этом отмечаются некоторые проблемные зоны: трудности при восприятии состояния ребенка (у 29% матерей и 48% отцов), при понимании причин состояния ребенка (у 26% матерей и 39% отцов), неумение воздействовать на состояние ребенка (у 29% матерей и 26% отцов), трудности с ориентацией на состояние ребенка при

взаимодействии (у 10% матерей и 23% отцов). Показатели постнатальной привязанности матерей к детям соответствуют высокому уровню.

3. Воспитательные установки матерей направлены прежде всего на установление оптимального эмоционального контакта с ребенком, что свидетельствует об их зрелости. Наиболее выражены установки на уравнительные отношения между родителями и ребенком, вербализацию, отмечается понимание неизбежности семейных конфликтов, наименее выражены установки на уклонение от контакта с ребенком, стремление ускорить его развитие и зависимость матери от семьи.

4. Удовлетворенность браком и у женщин, и у мужчин нашей выборки соответствует высокому уровню.

5. Корреляционный анализ выявил более тесные взаимосвязи кризисных проявлений у детей с характеристиками эмоционального взаимодействия с ними у матерей по сравнению с отцами. Для формирования конструктивных кризисных новообразований (особенно для речевого развития, в меньшей степени – для появления мотивирующих представлений) ребенку необходимы чувствительность матери и зрелость ее поведенческих проявлений при эмоциональном взаимодействии в сочетании с некоторой долей «условной любви» со стороны отцов (это проявляется в менее интенсивной выраженности позитивных чувств при взаимодействии и эмоционального принятия со стороны отцов). Для снижения негативистских проявлений кризиса (прежде всего капризов и реакций на запреты) важны умение матери воздействовать на состояние ребенка, оказывать ему поддержку, а также ее общее эмоциональное принятие ребенка.

6. Взаимосвязи кризисных проявлений с воспитательными установками матерей показывают, что кризис в целом более выражен как при установке на излишнюю строгость, так и при установке на партнерские отношения. Кризис менее выражен при установках на чрезмерную заботу и подавление агрессивности, при этом и общий показатель негативистских проявлений ниже при установке на подавление агрессивности. Установки, связанные с излишней концентрацией на ребенке, замедляют формирование у него новообразований в сфере моторики и речи. В то же время излишняя эмоциональная дистанция с ребенком и строгость, так же как и установка на партнерские отношения, могут провоцировать усиление негативистских кризисных проявлений. Все эти данные подтверждают важность перехода матерей с этапа «усиления прежних воспитательных воздействий» на этап «поиска новых воспитательных воздействий».

7. Выявлены взаимосвязи кризисных проявлений у детей с показателем удовлетворенности матери браком: чем выше удовлетворенность женщины супружеством, тем ниже, по оценке матери, общая выраженность кризиса у ребенка (прежде всего за счет снижения у него гипобулических реакций). Взаимосвязей с удовлетворенностью браком отцов не выявлено.

Таким образом, исследование подтвердило выдвинутые гипотезы и показало более тесные взаимосвязи кризисных проявлений у детей с характеристиками взаимодействия со стороны матерей по сравнению с отцами.

На наш взгляд, интересно и значимо в практическом плане то, что наши данные говорят о важности сохранения традиционной модели семьи для благополучного протекания и разрешения кризиса одного года у ребенка. Мать дает ребенку эмоциональную поддержку, чувство защищенности, а отец выстраивает некоторые границы, он более строг и последователен в запретах. Сейчас в психологии используется понятие «новые отцы» – речь о современных мужчинах, которые намного более активно включены в воспитание и эмоциональное взаимодействие с детьми по сравнению с мужчинами предыдущих поколений. В связи с этим важно понимание того, что эта позитивная в целом тенденция должна все-таки не исключать некоторого распределения ролей в семье, чтобы отвечать задачам развития ребенка в кризисный период.

Ограничения нашего исследования связаны главным образом с недостаточной представительной выборкой для деления на три микровозрастные группы (чтобы было возможно изучить предкритическую, критическую и посткритическую фазы) и использованием метода поперечных срезов. В будущем мы планируем расширение выборки и проведение лонгитюдного исследования с целью обнаружения трех фаз кризиса.

Увеличение выборки необходимо и для более детального изучения влияния факторов возраста, пола и наличия сиблингов не только на кризисные проявления, но и на характеристики семейного взаимодействия. В нашем исследовании получены некоторые предварительные данные о влиянии этих факторов, но мы не стали их приводить, так как количество детей в группах сравнения недостаточно для того, чтобы говорить о каких-то закономерностях.

Также было бы интересно более активно задействовать отцов в исследовании – изучить и их воспитательные установки и привязанность к детям. Возможно, это позволит уточнить наши выводы о различиях во взаимодействиях матерей и отцов с детьми и о моделях семейного воспитания, конструктивных для задач развития ребенка в период кризиса одного года.

Еще одна задача – проанализировать взаимосвязи кризисных проявлений с характеристиками семейного взаимодействия отдельно на выборках мальчиков и девочек. Также при расширении выборки исследования можно поставить задачу выявления предикторов выраженности кризиса в целом и его двух компонентов (конструктивного и негативистского) в области семейного взаимодействия с учетом пола ребенка.

Следует отметить, что кризисные проявления у ребенка могут быть обусловлены его индивидуальными особенностями (общим темпом психического развития, личностными чертами), что также представляет поле для дальнейших исследований кризиса одного года.

Литература

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. Д.Б. Эльконина. М. : Педагогика, 1984. Т. 4: Детская психология. 432 с.
2. Эриксон Э. Детство и общество. СПб. : Летний сад, 2000. 416 с.

3. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 576 с.
4. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1978. № 4. С. 23–35.
5. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М. : Педагогика, 1989. 560 с.
6. Гуськова Т.В., Елагина М.Г. Личностные новообразования у детей в период кризиса трех лет // Вопросы психологии. 1987. № 5. С. 78–86.
7. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М. : Академия, 2000. 184 с.
8. Василенко В.Е., Кузнецова (Уланова) Ю.Ю., Наталенко Я.В. Протекание кризисов раннего детства в связи с детско-родительским взаимодействием // Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология : сб. науч. тр. Ялта : РИО ГПА, 2018. Вып. 58, ч. 3. С. 308–313.
9. Василенко В.Е., Наталенко Я.В. Проявления кризиса одного года и детско-родительское эмоциональное взаимодействие // Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология : сб. ст. Ялта : РИО ГПА, 2016. Вып. 53, ч. 9. С. 268–277.
10. Савеньшева С.С., Чижова В.Ф. Материнское отношение как фактор психического развития ребенка раннего возраста // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2013. Вып. 3. С. 32–41.
11. Kim B.R., Chow S.M., Bray B., Teti D.M. Trajectories of mothers' emotional availability: relations with infant temperament in predicting attachment security // Attachment & Human Development. 2017. Vol. 19, № 1. P. 38–57. DOI: 10.1080/14616734.2016.1252780.
12. Siddiqui A., Hagglof B. Does maternal prenatal attachment predict postnatal mother-infant interaction? // Early Human Development. 2000. Vol. 59, № 1. P. 13–25. DOI: 10.1016/S0378-3782(00)00076-1.
13. Damato E.G. Prenatal attachment and other correlates of postnatal maternal attachment to twins // Advances in Neonatal Care. 2004. Vol. 4, № 5. P. 274–291. DOI: 10.1016/j.adnc.2004.07.005.
14. Belsky J. The Determinants of Parenting: A Process Model // Child Development. 1984. Vol. 55, № 1. P. 83–96.
15. Van Bakel H.J., Riksen-Walraven J.M. Parenting and development of one-year-olds: links with parental, contextual, and child characteristics // Child Development. 2002. Vol. 73, № 1. P. 256–273. DOI: 10.1111/1467-8624.00404.
16. Pleshkova N.L., Muhamedrahimov R.J. Quality of attachment in St Petersburg (Russian Federation): a sample of family-reared infants // Clinical child psychology and psychiatry. 2010. Vol. 15, № 3. P. 355–362. DOI: 10.1177/1359104510365453.
17. Roggman L.A., Boyce L.K., Cook J. Widening the lens: Viewing fathers in infants' lives // Infant development: Ecological perspectives / H.E. Fitzgerald, K.H. Karraker, T. Luster (eds.). New York : Routledge Falmer, 2001. P. 193–220.
18. Paquette D. Theorizing the father–child relationship: Mechanisms and developmental outcomes // Human Development. 2004. Vol. 47. P. 193–219. DOI: 10.1159/000078723.
19. Cabrera N., Fitzgerald H.E., Bradley R.H., Roggman L. Modeling the dynamics of paternal influences on children over the lifespan // Applied Developmental Science. 2007. Vol. 11, № 4. P. 185–189. DOI: 10.1080/10888690701762027.
20. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. М. : Форум, 2011. 112 с.
21. Василенко В.Е., Зубкова М.В. Проявления кризиса семи лет в связи с особенностями семьи // International Journal of Developmental and Educational Psychology. 2013. Vol. 1, № 1. P. 19–30.
22. Головей Л.А., Савеньшева С.С., Василенко В.Е. Детско-родительские отношения в стабильные и кризисные периоды детства // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 2. С. 32–43.
23. Уланова Ю.Ю., Василенко В.Е. Проявления кризиса трех лет в связи с особенностями детско-родительского взаимодействия // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 4. С. 68–82. DOI: 10.17759/sps.2016070405.

24. Шавырина А.А. Психологическая сущность упрямства и негативизма у детей // Психологическая наука и образование. 2008. № 5. С. 37–46.
25. Куфтяк Е.В. Семейная устойчивость как психологический феномен // Сибирский психологический журнал. 2010. № 38 С. 38–44.
26. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7, № 3. С. 1–11. DOI: 10.17759/psyedu.2015070301.
27. Василенко В.Е., Наталенко Я.В. Опросник проявлений кризиса одного года: психометрические характеристики // Мир науки. Педагогика и психология : интернет-журнал. 2019. № 1, т. 7. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/08PSMN119.pdf>
28. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. М. : Академия, 2008. 432 с.
29. Condon J.T. The assessment of antenatal emotional attachment: Development of a questionnaire instrument // British Journal of Medical Psychology. 1993. № 66. P. 167–183. DOI: 10.1111/j.2044-8341.1993.tb01739.x.
30. Уланова Ю.Ю., Василенко В.Е. Протекание кризиса трех лет в связи с факторами возраста, пола, структуры семьи и социализации ребенка // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3 (27). С. 75–85. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-75-85.

*Поступила в редакцию 28.11.2018 г.; повторно 27.12.2018 г.;
повторно 02.02.2021 г.; принята 29.04.2021 г.*

Василенко Виктория Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: v.vasilenko@spbu.ru

Наталенко Яна Владимировна – психолог Академии развития и досуга «Дочки-сыночки», Санкт-Петербург, Ленинградская область.

E-mail: ynatalenko@mail.ru

For citation: Vasilenko, V.E., Natalenko, Y.V. Crisis of the First Year and Its Manifestations Due to Family Interaction. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 80: 165–191. doi: 10.17223/17267080/80/9. In Russian. English Summary

Crisis of the First Year and Its Manifestations Due to Family Interaction¹

V.E. Vasilenko^a, Y.V. Natalenko^b

^a Saint-Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034 Russian Federation

^b Academy of Development and Leisure "Daughters-sons", 7, k. 1, Village. Telmana, St. Petersburg, Leningrad region, 187031, Russian Federation

Abstract

The study involved 117 people from 43 families of Saint-Petersburg. Among them there were 31 triads “mother – father –child” and 12 dyads “mother - child”, i.e. 43 children (20 boys and 23 girls), 43 mothers and 31 fathers. The age of children differed from 10 months to 2 years. The sample was divided into 2 age groups: from 10 months to 1 year 6 months; and from 1 year 7 months to 2 years. The methods we used were the following: “Manifestations of the crisis of the first year” questionnaire by V. Vasilenko, “Child and parent emotional interaction” questionnaire by E. Zakharova, Maternal postnatal attachment

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 16-06-00392-ОГН.

scale by J. Condon, Parental Attitude Research Instrument (PARI) by E.S. Schaefer & R.Q. Bell, Test of marriage satisfaction by Y.E. Aleshina, L.Y. Gozman, E.M. Dubovskaya.

The study revealed that constructive formations of the crisis prevail over negativistic manifestations; the main formation is autonomous child speech. The postcritical phase has not been identified. The data in general show the well-being in the child and parent emotional interaction, the high maternal attachment to children, and prevalence of attitudes towards optimal emotional contact with the child and the high level of marriage satisfaction. At the same time we revealed reduced indicators of ability to perceive the child's state (29% mothers and 48% fathers), understand what causes the child's state (26% mothers and 39% fathers), influence to the child's state (29% mothers and 26% fathers). Constructive formations of the crisis are positively correlated with the sensitivity of the mother, the maturity of her behavioral manifestations in interaction and negatively correlated with positive feelings in interaction and emotional acceptance from fathers, as well as with the maternal attitudes to excessive concentration on the child. Negativistic manifestations of the crisis are less pronounced in the case of mother's ability to influence to the child's state, to support him, the child's emotional acceptance and mother's marriage satisfaction, and more pronounced in the case of maternal attitudes to the excessive emotional distance with the child, severity and, at the same time, to partnership with the child.

Thus, the mother's sensitivity, maturity of her behavioral manifestations in interaction and parental attitudes combined with some "conditional love" from fathers can be regarded as resources for the successful flowing of the crisis of the first year. Parents need to move from strengthening their previous parenting methods to searching for new forms of interaction.

Keywords: crisis of the first year; constructive formations; negativistic manifestations; family interaction; parent and child emotional interaction; maternal postnatal attachment; parental attitudes; marriage satisfaction.

References

1. Vygotsky, L.S. (1084) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Pedagogika.
2. Erickson, E. (2000) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. Translated from English. St. Petersburg: Letniy sad.
3. Leontiev, A.N. (1972) *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the Psychic Development]. Moscow: Moscow State University.
4. Bozhovich, L.I. (1978) Etapy formirovaniya lichnosti v ontogeneze [Stages of personality formation in ontogenesis]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 23–35.
5. Elkonin, D.B. (1989) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected Works on Psychology]. Moscow: Pedagogika.
6. Guskova, T.V. & Elagina, M.G. (1987) Lichnostnye novoobrazovaniya u detey v period krizisa trekh let [Personal neoplasms in children during the crisis of three years]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 78–86.
7. Polivanova, K.N. (2000) *Psikhologiya vozrastnykh krizisov* [The psychology of age-related crises]. Moscow: Akademiya.
8. Vasilenko, V.E., Kuznetsova (Ulanova), Yu.Yu. & Natalenko, Ya.V. (2018) Protekanie krizisov rannego detstva v svyazi s detsko-roditel'skim vzaimodeystviem [The course of crises of early childhood in connection with child-parent interaction]. In: Gluzman, A.V. et al. (eds) *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Ser. Pedagogika i psikhologiya* [Problems of Modern Pedagogical Education. Ser. Pedagogy and Psychology]. Issue 58. Yalta: RIO GPA. pp. 308–313.
9. Vasilenko, V.E. & Natalenko, Ya.V. (2016) Proyavleniya krizisa odnogo goda i detsko-roditel'skoe emotsional'noe vzaimodeystvie [Manifestations of the one-year crisis and child-parental emotional interaction]. In: Gluzman, A.V. et al. (eds) *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Ser. Pedagogika i psikhologiya* [Problems of

- Modern Pedagogical Education. Ser. Pedagogy and Psychology]. Issue 53. Yalta: RIO GPA. pp. 268–277.
10. Savenysheva, S.S. & Chizhova, V.F. (2013) Materinskoe otnoshenie kak faktor psikhicheskogo razvitiya rebenka rannego vozrasta [Maternal attitude as a factor in the mental development of a child of early age]. *Vestnik SPbGU. Ser. 12 – Vestniks of Saint Petersburg University. Series 12*. 3. pp. 32–41.
 11. Kim, B.R., Chow, S.M., Bray, B. & Teti, D.M. (2017) Trajectories of mothers' emotional availability: relations with infant temperament in predicting attachment security. *Attachment & Human Development*. 19(1). pp. 38–57. DOI: 10.1080/14616734.2016.1252780
 12. Siddiqui, A. & Hagglof, B. (2000) Does maternal prenatal attachment predict postnatal mother-infant interaction? *Early Human Development*. 59(1). pp. 13–25. DOI: 10.1016/S0378-3782(00)00076-1
 13. Damato, E.G. (2004) Prenatal attachment and other correlates of postnatal maternal attachment to twins. *Advances in Neonatal Care*. 4(5). pp. 274–291. DOI: 10.1016/j.adnc.2004.07.005
 14. Belsky, J. (1984) The Determinants of Parenting: A Process Model. *Child Development*. 55(1). pp. 83–96.
 15. Van Bakel, H.J. & Riksen-Walraven, J.M. (2002) Parenting and development of one-year-olds: links with parental, contextual, and child characteristics. *Child Development*. 73(1). pp. 256–273. DOI: 10.1111/1467-8624.00404
 16. Pleshkova, N.L. & Muhamedrahimov, R.J. (2010) Quality of attachment in St Petersburg (Russian Federation): a sample of family-reared infants. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 15(3). pp. 355–362. DOI: 10.1177/1359104510365453
 17. Roggman, L.A., Boyce, L.K. & Cook, J. (2001) Widening the lens: Viewing fathers in infants' lives. In: Fitzgerald, H.E., Karraker, K.H. & Luster, T. (eds) *Infant Development: Ecological Perspectives*. New York: Routledge Falmer. pp. 193–220.
 18. Paquette, D. (2004) Theorizing the father–child relationship: Mechanisms and developmental outcomes. *Human Development*. 47. pp. 193–219. DOI: 10.1159/000078723
 19. Cabrera, N., Fitzgerald, H.E., Bradley, R.H. & Roggman, L. (2007) Modeling the dynamics of paternal influences on children over the lifespan. *Applied Developmental Science*. 11(4). pp. 185–189. DOI: 10.1080/10888690701762027
 20. Kalina, O.G. & Kholmogorova, A.B. (2011) *Rol' ottsa v psikhicheskoy razvitiu rebenka* [The role of the father in child's mental development]. Moscow: Forum.
 21. Vasilenko, V.E. & Zubkova, M.V. (2013) Manifestations of the “seven year old child's crisis” and family characteristics. *International Journal of Developmental and Educational Psychology*. 1(1). pp. 19–30. (In Russian).
 22. Golovey, L.A., Savenysheva, S.S. & Vasilenko, V.E. (2015) Parent-child relationships in stable and critical periods of childhood. *Psikhologicheskii zhurnal*. 36(2). pp. 32–43. (In Russian).
 23. Ulanova, Yu.Yu. & Vasilenko, V.E. (2016) Manifestations of the “3 year old child's crisis” in relation to characteristics of the parent-child interaction. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 7(4). pp. 68–82. (In Russian). DOI: 10.17759/sps.2016070405
 24. Shavyrina, A.A. (2008) Psikhologicheskaya sushchnost' upryamstva i negativizma u detey [The psychology of stubbornness and negativism in children]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 5. pp. 37–46.
 25. Kuftyak, E.V. (2010) Family resilience as a psychological phenomenon. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 38 pp. 38–44. (In Russian).
 26. Polivanova, K.N. (2015) Parenting and parenthood as research domains. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya – Psychological-Educational Studies*. 7(3). pp. 1–11. (In Russian). DOI: 10.17759/psyedu.2015070301
 27. Vasilenko, V.E. & Natalenko, Ya.V. (2019) . “Manifestations of the one year old child's crisis” questionnaire: psychometric characteristics. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*

- *World of Science. Pedagogy and psychology*. 1(7). (In Russian). [Online] Available form: <https://mir-nauki.com/PDF/08PSMN119.pdf>
28. Liders, A.G. (2008) *Psikhologicheskoe obsledovanie sem'i* [Psychological Examination of the Family]. Moscow: Akademiya.
29. Condon, J.T. (1993) The assessment of antenatal emotional attachment: Development of a questionnaire instrument. *British Journal of Medical Psychology*. 66. pp. 167–183. DOI: 10.1111/j.2044-8341.1993.tb01739.x.
30. Ulanova, Yu.Yu. & Vasilenko, V.E. (2016) The “the three year old child’s crisis” in relation to age, gender, family structure and socialization of the child. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”*. 3(27). pp. 75–85. (In Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-75-85

*Received 28.11.2018; Revised 27.12.2018;
Revised 02.02.2021; Accepted 29.04.2021*

Victoria E. Vasilenko – Associate Professor of the Department of Developmental Psychology and Differential Psychology, St. Petersburg State University. Cand. Sc. (Psychol.).
E-mail: v.vasilenko@spbu.ru

Yana V. Natalenko – psychologist of the Academy of Development and Leisure "Daughters–Sons", St. Petersburg, Leningrad region.
E-mail: ynatalenko@mail.ru